

Глава 35. Мама, защити!

Сопротивляться, доказывать — всё бесполезно. Она поняла это, когда её наконец отпустили, и она, не помня как очутилась на улице, побежала.

Все эти дни Нина жила в состоянии, похожем на сон: летела в бездну, но понимала, что это всего лишь сон. И как во сне, напрягаясь всей душой, держалась из последних сил — лишь бы дотянуть до того момента, когда беда отступит. Но когда они сказали про врачей, она словно проснулась. Сон продолжался наяву. Сергей Эргисович велел ей: иди домой, и она пошла. А они остались там с её дневником. Инспектор из райцентра приехал, чтобы отвести её к врачам.

Тут ей показалось, что уже глубокая ночь, и она идёт не в ту сторону — куда-то в алас, где тайга и валуны. Она в страхе повернула назад, но скоро остановилась: а в другой-то стороне, что там? Разве среди людей — не тайга, разве не валуны?

Вдруг будто светом её озарило: мама! Ты одна можешь меня спасти, умоляю тебя, мама!

Нина кинулась к дому.

Рослая женщина, большерукая и по-мужицки широкоплечая, недвижно сидела в кухне. Ей было видно, как двором пробежала Нина в распахнутом пальто.

— Мамочка!.. — Нина уткнулась ей в колени. Она плакала обречённо, как не плакала никогда в прежние времена. Но колени были неподвижны. Почему она не погладит дочь своей большой тёплой ладонью?

Девочка подняла лицо и увидела отчуждённые глаза матери.

— Отчего пришла такая? Гнались за тобой?

Где знать девушке, какие длинные ноги у сплетни, какая в ней таится сила, как она может поколебать даже самое верное сердце.

Один бог знает, что пережила сегодня Анфиса Габышева, поджидая дочь из школы. Ещё утром к ней заглянула коротышка Настасья и с удовольствием пересказала то, что всем остальным уже известно. Выпроводив разносчицу новостей, мать, словно из помойного ушата облитая, весь день просидела у окна, думая об услышанном, вспоминая, какой странной стала дочка в последнее время. Вперится в одну точку и долго так стоит — котёл с мёрзлым мясом успел бы закипеть... А то ночь напролёт ворочается в постели. Учитель Сергей Аласов... По годам-то он, наверно, и самой Анфисы старше!

— Что же ты молчишь? Или позор в дом принесла? — Анфиса оттолкнула дочь.

— Мама!

— Ты знаешь, негодница, что о тебе говорят?

— Мама, не надо!

Девочка боком, путаясь в пальто, стала пятиться от матери и вдруг нырнула в сени.

Взошёл над деревней месяц-светляк. Он забегал то справа, то слева, будто пытался заглянуть ей в лицо.

Неизвестно, долго ли она брела, увязая в снегах, только вдруг наткнулась на сенную изгородь. За редкими деревьями мигали огни, от которых она ушла. За городьбой слышен был настороженный гул леса.

— Мама!..

Перегнувшись через прясло, она плакала в голос что было мочи — никто её здесь не мог услышать. Потом утёрла слёзы, посмотрела на манящие огни деревни. Разве может она вернуться? Убежать бы далеко-далеко, оставить позади весь позор!

Она двинулась по санной дороге к восточному краю аласа. Как в деревянном чороне с кумысом, в голове у неё что-то бродило, но никак не могло оформиться в мысль — только неизбывное чувство несчастья стояло над всем.

Скоро она сообразила всё же, куда идёт. Было у неё заветное местечко в этом лесу: если пройти берёзовую рощу, попадёшь в листвяк, а в том листвяке кругленькая поляна. На поляне когда-то две берёзы росли из одного корня. Одну спилили, лишь пень от неё, а другая осталась. Одна осталась... Была она кривая, — наверно, за то её и не тронули. И всё тянулась туда, где когда-то стояла её подружка... Не раз минувшей осенью Нина приходила к любимому дереву — посидеть на пне в одиночестве, помечтать.

Увязая в снегу, она долго тащилась по этому странно непохожему на себя лесу, где всё похрустывало, всё гудело.

Подойдя к берёзе, Нина обняла её: о, бедная моя, бедная! Потом опустилась на пень, обхватила голову руками: забыться, забыться...

Снег, набившийся в валенки, стал подтаивать. Надо бы походить, согреться, но будто чей-то голос, очень похожий на кылбановский, велел: «Сидеть! Мы тебя судить будем... Врачи всё узнают...»

Во всём я одна виновата. Это я навлекла беду своим проклятым дневником, в школу его зачем-то принесла, доверилась Вере. Я должна спасти Сергея Эргисовича — хоть ценой жизни!

Она замёрзнет здесь, у одинокого дерева, на холодном пне. Как у Некрасова: «А Дарья стояла и стыла в своём заколдованном сне...»

Не поверили её любви! Что ж, они ещё пожалеют об этом — на её похоронах. И он придёт к её гробу, скажет: она унесла с собой великое чувство... Тогда и мама всё поймёт.

Живите без меня, я всем вам мешала. Только не прощайте им моей смерти, Сергей Эргисович! За меня возненавидьте Пестрякова с Кылбановым, за мою любовь отомстите! «А Дарья стояла и стыла в своём заколдованном сне...» Как горло болит! Вот передохну чуть и встану, не надо меня торопить. Веки тяжёлые-тяжёлые. И тепло так...

Анфиса рванулась было за дочерью, да удержалась: пусть помучается, осознает, что натворила. Побежала, конечно, к Верке, жаловаться. А может, к нему самому? О, подлая!

Тем не менее уже через час она стала беспокоиться. Муж, вернувшись с работы, набросился на Анфису: «Сплетнице поверила, богом убитой коротышке. А дочку в ночь выгнала, да ещё, говоришь, с ангиной... Попомнишь у меня!»

Он выскочил из дома, Анфиса за ним. У подружки Веры дочери не было, она и не заходила сюда. Вера, узнав, в чём дело, пришла в такое смятение, что Анфиса и вовсе пала духом. Теперь они втроём пошли из дома в дом — к знакомым, одноклассникам, родственникам. Через полчаса всё село, уже собравшееся было ко сну, поднялось. Чуя тревогу, с лаем носились собаки.

Оказывается, Нину Габышеву после уроков допрашивали в учительской, а к врачу со своей ангиной она и не обращалась. Из школы ей было велено идти домой, после этого никто, кроме матери, девушку не видел.

Прибежал, застёгивая на ходу шубу, сам председатель колхоза Егор Егорович. Часть ребят обходила избы уже подряд — не пропуская ни одного двора, другие побежали звонить из правления к дальним родственникам Габышевых в Силэннях.

Но ни обход деревни, ни телефон ничего не дали. Машина, посланная на тракт, вернулась. Надо было прочёсывать весь алас. И скоро на тропях за околицей Арылаха замелькали фонари, там слышались надрывные крики: «Нина! Ниночка-а-а! Габышева, отзовись! Нина!»

Широко шагая по дороге, огибающей лесную опушку, Аласов в одном месте увидел следы маленьких ног — они уходили от дороги. Страшась затоптать след, он пошёл за ним. Но это оказались всего лишь ребячьи шалости — играли тут днём, выскакивали на целину.

Полчаса назад у колхозного правления Фёдор Баглаевич кидался от одного к другому: «Друзья, постарайтесь! Разыщите девочку». Даже Кылбанов был здесь — отправился на поиски в грузовой машине, с борта прокричал: «Найдём или не найдём, но отвечать кое-кто будет!» Гнида проклятая.

А впрочем, все мы хороши. После того, что увидел в учительской, разве не его долг был как учителя, классоведа — успокоить девочку, отвести её домой, разумно поговорить с родителями?

Сзади послышалось тарахтение колхозного «газика». Поравнявшись, машина высадила Веру Тегюрюкову с двумя парнями, а сама двинулась прочёсывать дорогу дальше.

— Ничего, Сергей Эргисович?

— Ничего...

— Слушай, Верка, — Жерготов, видимо, не в первый раз задавал все один и тот же вопрос. — Ты припомни: куда она могла пойти? Вы же ведь «двойняшки», чёрт возьми, кому же знать, как не тебе!

Но та в ответ лишь хлюпала носом. И вдруг...

— Ребя-ята... — прохрипела Вера голосом, застуженным от долгого крика на морозе. — Вспомнила! Сергей Эргисович, я вспомнила! Осенью ходили с ней... Полянка там, пенёк, кривое дерево... Вон в ту сторону!

— Что же ты молчала до сих пор, тетеря! — набросились на неё ребята. — Тебе бы только слёзы лить.

Вприпрыжку на своих коротеньких ножках Вера кинулась по дороге назад, остальные за ней. Берёзовая роща, поляна с одиноким деревом — Макар Жерготов тоже что-то смутно припоминал. Не эта ли?

Ночью берёзовая роща вся сливалась в одно белесое пятно, расплывалась в морозном мареве.

— Там... — указала Вера.

Впереди открылась поляна. Одинокое дерево. Свет фонарика заметался по стволу. Пенёк... Она!

— Нина! Нинка-а! — взвыла Вера, с отчаянием выдёргивая ноги из глубокого снега. — Ниночка!

Та не пошевелинулась. Спит? Мертва?

Страшась правды, Аласов с усилием протянул руку, поднял голову девушки и ахнул: голова была горячая.

— Машину!.. Быстрее за машиной!..